— Для чего ты хочешь посмотреть на мир? — У Чжу, казалось, размышлял над чем-то. — Место, где ты сейчас стоишь, разве не часть этого мира?

Фань Сянь не знал, как ответить на этот вопрос. Он пришёл из другого мира, поэтому, естественно, его интересовало множество вещей в этом. К тому же, ему нужно было найти ответ на вопрос, так долго беспокоящий его: как он попал в этот мир?

Шесть лет назад, когда Фэй Цзе жил в Даньчжоу, он упомянул священный храм. В то время Фань Сянь подумал, как ещё кроме божественного чуда можно объяснить тот факт, что он из прикованного к постели больного вдруг превратился в ребёнка? Поэтому его очень заинтересовало всё, что касается священного храма, и захотелось побывать внутри.

Кроме того, он действительно желал посетить столицу. Он хотел посмотреть своими глазами, не страдает ли Фань Жожо от произвола мачехи, хотел пусть и ненадолго, но снова встретиться с этим милым старым извращенцем Фэй Цзе, которого не видел несколько лет.

Самое главное, из-за того, что в прошлой жизни он долгое время был прикован к постели, его вторая жизнь давала ему ощущение резкого контраста. Этот контраст обратился в огонь в его сердце, воспламеняющий его дух, разжигающий его надежды, ему хотелось сделать чего-то в этой жизни, чего-то добиться.

Безмятежность и амбиции, власть и счастье, любовь и красивые женщины... эти слова не обязательно соответствовали друг другу, может, даже были несовместимы, но, тем не менее, они вспышками пронеслись в сознании Фань Сяня. Подумав какое-то время, он осторожно ответил:

— Раз уж жизнь лишь одна, единственный способ получить максимум от этой неповторимой игры — это много где побывать, увидеть различные пейзажи, встретить различных людей.

Фань Сянь действительно так считал. В прошлой жизни, лёжа на больничной койке, он как-то думал о том, как бы прожил жизнь, если бы родился снова.

У Чжу спросил:

— Что планируешь делать?

— Для начала, я должен удостовериться, что смогу выжить, — Фань Сянь наклонился, чтобы подобрать ещё один камень. В этот раз он бросил его без усилий, и камень разбился о рифы: — Поэтому я должен быть в силах защитить себя.

— А потом?

— Потом я поставлю себе три цели.

У Чжу спокойно продолжал внимательно слушать.

— Во-первых, я хочу наплодить много-много детей. Во-вторых, я напишу много-много книг. И в-третьих, я буду жить самой замечательной жизнью.

Фань Сянь был очень спокойным, говоря эти абсурдные слова, в его тоне не было не намёка на смущение. Глубоко внутри он рассуждал, что раз находится не на Земле, то он единственный представитель землян в этом мире и несёт в себе их наследие. С биологической точки зрения он был носителем земных генов, поэтому должен был оставить в этом мире как можно больше потомков.

В тоже время, он полагал, что является представителем земной цивилизации. В этом мире не было и тени культурных достижений человечества за множество тысячелетий. Если он не сможет воспроизвести (или стоит назвать это плагиатом) множество книг и позволить литературному наследию вроде работ Цао Сюэциня* или сюжета «Убить Билла» засиять в этом невежественном мире, то как будет жаль мудрецов этой параллельной вселенной, живущих в уединении... и, конечно, больше всего ему будет жаль себя самого.

Он также воспринимал себя как единственного землянина, способного наблюдать за этим миром, поэтому должен был убедиться в том, что проживёт жизнь в комфорте. Лишь так он сможет дожить до преклонного возраста и наблюдать за окружающим миром как можно дольше.

Лишь спустя много лет Фань Сянь смущённо признается самому себе, что всё это было лишь предлогом, чтобы потакать своим похотливым желаниям, бесстыдству и стремлению стать великим.

Стоящему на утёсе У Чжу потребовалось некоторое время, чтобы полностью осознать три цели Фань Сяня. Очень спокойно он проанализировал услышанное:

— Тогда тебе нужно много жён, найти много литературных рабов и нанять много слуг.

— Литературных рабов? — Фань Сянь знал этот термин, но не был уверен насчёт его значения в этом мире.

— Это образованные люди, оставшиеся без средств к существованию. Им приходится писать литературные труды за других, не претендуя на авторство.

Фань Сянь улыбнулся. Он изначально планировал использовать великих литераторов вроде старика Цао* или старика Ша** в роли своих литературных рабов, поэтому не нуждался в других. Пока он думал об этом, У Чжу продолжил свой нехитрый анализ:

— Если ты хочешь обзавестись множеством жён, нанять много литературных рабов и слуг,

тогда тебе нужно заработать много денег. Если ты хочешь заработать много денег, то тебе нужно больше власти. Чем больше власти тебе требуется, тем ближе ты должен быть к центру силы этой нации.

У Чжу повернулся и зашагал прочь:

— Как только тебе исполнится шестнадцать, мы вернёмся в столицу.

Фань Сянь остолбенел за спиной У Чжу на вершине утёса. Он просто рассказал свои вполне скромные личные устремления, но каким-то образом этот грандмастер боевых искусств со странностями сразу связал их с вопросами государственной власти. Что уж говорить, что он сразу принял решение за двоих вернуться в столицу. Фань Сянь по-прежнему отлично помнил, как в день его рождения в этом мире У Чжу сбежал из столицы, неся его на своей спине.

Фань Сянь не знал, смеяться ему или плакать, услышав такое, поэтому он похлопал себя по щекам, чтобы прийти в чувство. Он догнал У Чжу и спросил:

— Дядя, я рассказал тебе свои тайные помыслы, не должен ли ты ответить мне тем же?

— Что ты хочешь узнать?

— Моя мать, почему люди в столице пришли за нами?

— Всё, что касается госпожи, я расскажу, когда тебе исполнится шестнадцать. Это было её последним желанием. А что до людей, пришедших за нами, тебе незачем это знать, они все умерли десять лет назад.

**

Когда они вернулись в Даньчжоу, уже был полдень. Фань Сянь оставил У Чжу и вошёл в город один. Горожане уже привыкли к тому, что этот молодой господин ходит гулять за город сам по себе. Хотя в окрестностях не обитало диких зверей и не было опасных мест, людям всё равно казалось, что имение графа слишком плохо заботится об этом внебрачном ребёнке, предоставляя его самому себе. В конце концов в их глазах Фань Сянь был лишь двенадцатилетним мальчиком.

Жители Даньчжоу не платили налоги, поэтому жили довольно беззаботной жизнью и у них было достаточно свободного времени, чтобы придумать несколько странных теорий. Например, они задавались вопросом, что если люди в имении просто ждут, чтобы незаконнорождённого ребёнка съели дикие животные или чтобы он упал с обрыва.

Когда с подобными мыслями они смотрели на милого мальчика, живущего в этом предположительно опасном имении, то от беспокойства их сердца стучали быстрее.

Фань Сянь не знал, о чём думают встречные люди и, продолжая слегка улыбаться, немного опустив голову, добрался до имения.

Слуги ждали его, зная, что он обязательно вернётся, чтобы поесть. Графиня с полужакрытыми глазами дремала в старом деревянном кресле.

*Цао Сюэцинь Сао Хуецин (曹雪芹) - автор самого известного китайского романа «Сон в красном тереме».

**Ша Есинь Sha Yexin (沙叶新) - известный автор пьес и новелл 20 века.

<http://tl.rulate.ru/book/96718/779016>